

Жизнь великих композиторов

И.В. Охалова

Пётр Ильич
ЧАЙКОВСКИЙ

МУЗЫКА

**ГАММА
ПРЕСС**

УДК 78.071.1
ББК 85.313(2)
О92

Охалова, И. В.

О92 Пётр Ильич Чайковский / И.В. Охалова. — М. : Музыка, ГАММА-ПРЕСС. — 200 с. : ил. — (Жизнь великих композиторов).

ISBN 978-5-7140-1354-6 (Музыка)

ISBN 978-5-9612-0098-0 (ГАММА-ПРЕСС)

Книга посвящена одному из самых любимых во всем мире русских композиторов, оставившему огромное наследие почти во всех музыкальных жанрах. Автор книги прослеживает жизненный и творческий путь Чайковского, в доступной для непосвященного читателя форме рассказывает о его важнейших произведениях. Обилие приводимых в книге документальных материалов (из писем Чайковского, его дневников, воспоминаний современников), а также большое число иллюстраций способствует созданию у читателей живого образа героя повествования и его окружения.

Книга адресована широкому кругу любителей музыки.

ББК 85.313(2)

ISBN 978-5-7140-1484-0

ISBN 978-5-9612-0098-0

© Издательство «Музыка», 2023

© Издательство «ГАММА-ПРЕСС», 2023

К ЧИТАТЕЛЮ

Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящихся в ней утешение и подпору.

П.И. Чайковский

В чем тайна бесконечной любви к музыке Петра Ильича Чайковского, которая передается от поколения к поколению слушателей и исполнителей во всем мире? Ответом на этот вопрос могут служить его собственные слова: «Мне кажется, что я действительно одарен свойством *правдиво, искренно и просто* выражать музыкой те чувства, настроения и образы, на которые наводит текст. В этом смысле я *реалист* и коренной русский человек». Предельная степень искренности высказывания является одной из самых важных черт творческой натуры Чайковского. При этом его музыка обращена к самому лучшему в каждом из нас. И здесь приходят на память пушкинские слова: «...чувства добрые я лирой пробуждал». Быть может, в идеалах благородства и красоты, которые составляют сущность его творчества, коренится причина осуществления заветной мечты композитора. Его музыка продолжает распространяться, огромное множество людей во всем мире любит ее, находит в ней «утешение и подпору», а порой и ответы на самые важные жизненные вопросы, помогая провести грань между сиюминутным, суетным — и глубоким, значимым, вечным.

Один из величайших русских композиторов, Чайковский никогда не акцентировал национальные корни своего творчества. По этой причине его нередко и совершенно безосновательно называли «западником» или «космополитом». Стихия русского в представлении Чайковского — это прежде всего явление очень глубокой внутренней культуры, душевной открытости и отзывчивости к добру и красоте. Чайковский с его высокими представлениями о нравственности, долге, ответственности перед русской культурой («я артист, который может и должен принести честь своей родине, я чувствую в себе большую художествен-

ную силу») принадлежал к высшим слоям русской художественной интеллигенции второй половины XIX века. Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев, Левитан — наиболее родственные ему натуры. Способность Чайковского воспринять и обобщить все лучшее во французской, итальянской, австро-немецкой музыке — тоже есть свойство русского художника с присущей ему «всемирной отзывчивостью» (слова Достоевского о Пушкине).

В облике Чайковского-композитора органично сочетались две на первый взгляд противоречащие одна другой черты — вдохновенного творца и усердного труженика. Наверное, не найдется музыканта, которому не были бы известны его знаменитые, ставшие «крылатыми» слова: «Вдохновение — это такая редкая гостья, которая не любит посещать ленивых. Она является к тем, которые призывают ее. <...> Русский человек любит отложить; он по природе талантлив, но и по природе же страдает недостатком силы воли над собой и отсутствием выдержки. *Нужно, необходимо побеждать себя*, чтобы не впасть в дилетантизм». Дилетант, по мнению Чайковского, — это тот человек, который работает урывками, когда приходит расположение к творчеству.

Чайковский сознавал силу своего дарования и видел свой долг в том, чтобы довести его развитие «до последней степени возможного совершенства». «Находясь в нормальном состоянии духа, я могу сказать, что сочиняю всегда, в каждую минуту дня и при всякой обстановке. Иногда я с любопытством наблюдаю за той непрерывной работой, которая сама собой, независимо от предмета разговора, который я веду, от людей, с которыми нахожусь, происходит в той области головы моей, которая отдана музыке. Иногда это бывает какая-то подготовительная работа, то есть отделяются подробности голосоведения какого-нибудь перед тем проектированного кусочка, а в другой раз является совершенно новая, самостоятельная музыкальная мысль, и стараешься удержать ее в памяти. Откуда это является? Непроницаемая тайна».

Это высказывание об особенностях творческого процесса подводит к одной очень важной линии, которая пронизывала весь путь композитора и была связана с глубоко осознанной потребностью в совершенствовании мастерства. Будучи уже автором

таких шедевров, как «Евгений Онегин» и Четвертая симфония, он писал: «Играли Реформационную симфонию Мендельсона, и я все время удивлялся чуждому мастерству его. У меня нет *мастерства*. Я до сих пор пишу, как не лишенный дарования *юноша*, от которого можно многое ожидать, но который дает очень мало». И здесь мы вновь возвращаемся к проблеме соотношения труда и вдохновения, ибо мастерство, по мнению Чайковского, либо даруется природой, то есть является врожденным свойством творческой личности, либо достигается путем упорного, каждодневного и осмысленного труда.

«Оказалось, что как только у меня нет в виду какого-нибудь сочинения, я начинаю скучать», — писал Чайковский. При таком отношении к композиторскому творчеству он оставил огромное и универсальное наследие, охватив практически все жанры своего времени, — симфонии, оперы, балеты, одночастные оркестровые сочинения (увертюры, фантазии), концерты, камерно-инструментальные ансамбли, романсы, фортепианные сочинения. В обрисованной здесь панораме жанров центральное место принадлежит симфонии. Имя Чайковского — автора шести симфоний — стоит в одном ряду с такими величайшими симфонистами XIX–XX веков, как Бетховен, Шуберт, Брамс, Малер, Брукнер, Шостакович. Симфония в его представлении — самая лирическая из всех форм, музыкальная исповедь души, предстающая в бесконечном множестве оттенков настроений и тех таинственных движений, которыми наполнена внутренняя жизнь человека.

Помимо основных жанров в творчестве Чайковского, как и в творчестве любого композитора, есть своя «периферия» — кантаты, церковные сочинения, музыка к театральным пьесам, хоры, вокальные дуэты и так называемые произведения «на случай». Однако и в них всегда без особых усилий обнаруживается его неповторимый почерк, его авторское «я».

Природа наделила Чайковского ярким литературным дарованием, которое проявилось в его музыкально-критических статьях и рецензиях, в текстах некоторых оперных сцен, а также в многочисленных письмах, дневниковых записях и единственном стихотворении — «Ландыш». (Литературные произведения и

переписка опубликованы в семнадцати (!) томах его Полного собрания сочинений.)

В письмах Чайковского запечатлелась еще одна очень важная черта его творческой природы — желание поделиться всем, что его волновало и радовало, что было источником восторгов или глубоких страданий и потрясений. Чуткий и вдумчивый читатель писем вступает в контакт с миром очень сложной и внутренне богатой личности. Вероятно, он отметит проявившуюся уже в юные годы чувствительность и ранимость, острую впечатлительность и склонность к внезапным перепадам настроений — от светлой восторженности к мрачной меланхолии. Из писем можно почерпнуть также и бесценные сведения о творческом процессе, содержании произведений (например, Четвертой симфонии), любимых и нелюбимых композиторах, писателях, поэтах и о многом-многом другом...

Письма красноречиво говорят о том, что Чайковский любил жизнь в бесконечном множестве ее граней и проявлений. Любил природу и смену времен года, цветы, книги, любил своих родных и друзей, учеников, любил путешествия в дальние страны и прогулки в окрестностях подмосковного Клина, любил шумное светское общество — и одиночество, необходимое для творческих трудов. Вместе с тем из писем можно узнать и о том, что он не любил и даже ненавидел — неискренность, лицемерие, фальшь, пошлость, пустословие, претензии на глубину и какую-то особую значительность, будь то характеры окружающих его людей или произведения искусства, притязания некоторых композиторов на исключительность, всеобщее признание и славу, поиски в себе признаков «гениальной природы». В дополнение к сказанному обратимся к воспоминаниям Германа Августовича Лароша — одного из самых близких друзей Чайковского.

«Пётр Ильич был изящная натура. То полное примирение, которого так часто тщетно искала его грустная и тревожная муза, царило в его жизни и в его душе. Все в нем было прекрасно, начиная от его удивительного умения распоряжаться временем и иметь вид досужего человека после самой трудной и волнующей работы и кончая талантом угадывать характеры, мысли и наме-

рения людей и избегать в разговоре всего, что было бы им неприятно и чуждо. Он умел нравиться людям самых противоположных вкусов и самых различных слоев образования; может быть, он когда-нибудь и прилагал заботу к тому, чтобы нравиться, но в огромном большинстве случаев он очаровывал потому же, почему был добр, — то и другое вытекало из необычайной красоты, из гармонической законченности его натуры. И подобно тому, как он с годами хорошел, так что лицо его, сохраняя выразительность и оживленную оригинальность юных дней, становилось приятнее, он делался мягче и доступнее с годами, сохраняя на шестом десятке лет способность сходитьсь с людьми, дружить и делаться необходимым элементом их жизни. Параллельно тому, как росла его художественная слава, все выше и выше поднималась волна любви и поклонения, окружавшая его в частной жизни. Но ни то, ни другое не было способно его испортить. Несчастье не сломало бы его энергии и не ожесточило бы его против людей; счастье не вызвало в нем ни самомнения, ни эгоизма. В его тонкой и нежной душе была заключена сила, не только покорявшая всех нас, знавших его, но и перевешивавшая все то, что могла принести или отнять у него судьба».

В произведениях Чайковского нередко присутствуют и противостоят друг другу две полярные и равновеликие силы — огромный порыв к счастью, красоте, идеалу — и сила, препятствующая этому порыву. Имя ей — фатум, судьба, рок. Отсюда особый эмоциональный накал его музыки и захватывающая борьба страстей, сопоставимая с трагедиями Шекспира, симфониями Бетховена и будущими симфониями Малера и Шостаковича.

Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу принадлежат замечательные слова о Чайковском — гениальном художнике и неутомимом труженике: «Имя Чайковского близко и дорого человеку — оно звучит для нас, как символ величия и гуманистической силы искусства. <...> В его гениальной личности счастливо сочетались природное дарование с неутомимой творческой энергией, заставлявшей его вновь и вновь обращаться к людям, говорить с ними языком своей музыки».

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Что касается вообще русского элемента в моей музыке, то есть родственных с народной песнею приемов в мелодии и гармонии, то это происходит вследствие того, что я вырос в глуши, с детства самого раннего проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки, что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях, что, одним словом, я русский в полнейшем смысле этого слова.

П.И. Чайковский

Пётр Ильич Чайковский родился 25 апреля (по новому стилю — 7 мая) 1840 года¹. Он действительно вырос в глуши, за сотни верст от Петербурга и Москвы — главных очагов русской культуры. Его родина — небольшой поселок при Камско-Воткинском железодельном заводе (с 1935 года — город Воткинск в Удмуртии).

«Подумаешь, право, что в России везде, кроме столиц, люди спят и рта открыть не умеют, двух мыслей не свяжут, особенно на бумаге. А между тем это вовсе не правда. В провинциях-то и живут люди рассуждающие, интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли. В провинции-то обыкновенно и развиваются дельные, крепкие люди; оттуда-то и наезжают они в столицы с жаждой знаний и труда, со свежими силами, с любовью к делу. Люди в провинциях учатся, занимаются, работают...» Эти слова писателя Н.А. Добролюбова имеют самое прямое отношение к семье Чайковских.

Отец будущего композитора Илья Петрович Чайковский (1795–1880) окончил Горный кадетский корпус в Петербурге и в 1837 году после частых переездов и перемен мест службы был назначен директором Камско-Воткинского завода, оставаясь в

¹ В дальнейшем все даты приводятся по старому стилю.

Дом в Воткинске, где родился Чайковский

этой должности до 1848 года. Илья Петрович располагал к себе людей не только как талантливый инженер и блестящий организатор, но и как человек высокой культуры. Будучи кадетом, он изучал языки, играл на флейте, проникся большой любовью к драматическому театру, которую сохранил до конца дней. В его воткинском доме часто собирался любительский камерный ансамбль. «После обеда был у меня квартет или трио: флейта — я, гитара наподобие лиры — Романов, он очень хорошо играет, виолончель — Вокар гвардеец». Предметом гордости Ильи Петровича была привезенная из Петербурга оркестрина — механический музыкальный инструмент наподобие органа с набором валиков, на которых была записана классическая и танцевальная музыка. Илья Петрович заботился о расширении репертуара, а также о красоте звучания. С этой целью летом 1844 года оркестрина совершила путешествие из Воткинска в столицу, где была отремонтирована и пополнилась новыми валиками.

Семья Чайковских в 1848 году. Сидят: Александра Андреевна, Илья Петрович, Александра, Ипполит. Стоят: Пётр, Зинаида (дочь Ильи Петровича от первого брака), Николай

1 октября 1833 года Илья Петрович женился на Александре Андреевне Ассиер (1813–1854) — внучке француза-эмигранта, дочери действительного статского советника Андрея Михайловича Ассиера, получившей хорошее по тем временам образование в Училище женских сирот в Петербурге. В переписке с женой Илья Петрович называл ее «единственным в мире другом сердца» и любил, по его словам, «с пылкостью юноши, уважал, и боготворил ее как святую». Несмотря на большую разницу в возрасте, а также явное различие темпераментов (Александра Андреевна была значительно сдержаннее и строже склонного к

восторженности супруга), брак был счастливым. И эта атмосфера любви и взаимного уважения царила в большой семье Ильи Петровича, которая постепенно разрасталась. Вслед за первенцем — Николаем, родились Пётр, Александра, Ипполит и братья-близнецы Анатолий и Модест.

В 1844 году в доме Чайковских появилась гувернантка Фанни Дюрбах, и четырехлетний ребенок почувствовал в ней родственную душу, которая ответила ему взаимностью. Из воспоминаний Фанни Дюрбах можно составить ясное представление о той строгой дисциплине, в которой, как правило, воспитывались дети в дворянских семьях. Ни о каком баловстве не могло быть и речи. «Мы жили, — вспоминала Фанни, — совершенно отдельно от взрослых жизнью; только во время еды были с ними. Не только занятия, но и забавы у нас были свои. Вечера под праздник мы проводили у себя наверху в чтении, в беседах. Летом в нашем распоряжении был экипаж, и мы совершали поездки по окрестностям Воткинска. В будни, с шести часов утра (!), все время было строго распределено и программа дня исполнялась пунктуально. Так как свободные часы, когда дети могли делать что хотели, были очень ограничены, то я настаивала, чтобы они проходили в телесных упражнениях, и по этому поводу у меня всегда были препирательства с Пьером, которого постоянно после урока тянуло к фортепиано. Впрочем, слушался он всегда легко и с удовольствием бегал, резвился с другими. Но постоянно надо было наводить его на это. Предоставленный сам себе, он охотнее шел к музыке, принимался за чтение или за сочинение стихов». Под руководством Фанни дети изучали языки (французский и немецкий), историю, географию и другие дисциплины. Уроки русского языка преподавал некто господин Блинов.

Фанни скоро поняла, что в семье Чайковских растет незаурядный человек, дарование которого проявлялось решительно во всем, что он делал. По ее воспоминаниям, «в классе нельзя было быть старательнее и понятливее, во время рекреации же (то есть свободного от занятий времени. — *И.О.*) никто не выдумывал более веселых забав; во время общих чтений для развлечения никто не слушал внимательнее, а в сумерки под праздник, когда я

собирала своих птенцов вокруг себя и по очереди заставляла рассказывать что-нибудь, никто не фантазировал прелестнее. Этих чудных часов нашей жизни я никогда не забуду. В будничном же обращении с ним его любили все, потому что чувствовали, как он любил всех. Впечатлительности его не было пределов, поэтому обходиться с ним надо было очень осторожно. Обидеть, задеть его мог каждый пустяк. Это был *стеклянный* ребенок. В выговорах и замечаниях (о наказаниях по отношению к нему и речи не было) то, что другие дети пропускают мимо ушей, у него глубоко западало в душу и при малейшем усилении строгости расстраивало так, что становилось страшно. Однажды я, по поводу скверно сделанной обоими братьями задачи, упрекала их и между прочим упомянула о том, что жалею их отца, который трудится, чтобы зарабатывать деньги для воспитания детей, а они так неблагодарны, что не ценят этого и небрежно относятся

к своим занятиям и обязанностям. Николай выслушал это и несколько не с меньшим удовольствием бегал и играл в этот день <...> а Пьер оставался весь день задумчив, и вечером, ложась спать, когда я и сама забыла о выговоре, сделанном утром, вдруг разрыдался и начал говорить о своей любви к отцу, оправдываясь в несправедливо возводимой на него неблагодарности. Говорю вам, его нельзя было не любить, потому что он всех и всё любил».

Предметом изумления Фанни было очень раннее пробуждение патриотических чувств, причем одновременно к двум странам — России и Франции. Одним из кумиров его детства была Жанна д'Арк, принявшая мученическую смерть на костре. Это было совершенно особое отношение, в котором соединились восторженное преклонение и глубокое сострадание к трагической судьбе невинно осужденной героини Франции. Он сочинил посвященное ей стихотворение и даже начал писать историю ее жизни, но дальше первой главы продвинуться не смог.

Однажды Фанни обнаружила записку, которую он написал в восьмилетнем возрасте: «Для чего только Он сотворил меня, этот всемогущий Бог?». «Сколько зрелых людей, может быть, не задавали себе этого вопроса, тогда как этот ребенок уже задавал его!» — писала Фанни в письме к Модесту Ильичу Чайковскому.

По прошествии многих лет она вспоминала о красоте приуральской природы и русских народных песен, то есть о том, что так любил сам Чайковский: «Я никогда не видела такого красивого захода солнца, как в России, когда небеса покрывались такими изумительно яркими красками, — писала Фанни в письме к Петру Ильичу, — я особенно любила тихие мягкие вечера в конце лета. Челны рыбаков качались на пруду, гладком как зеркало, в котором отражалось солнце. С балкона мы слушали нежные и грустные песни — только они одни нарушали тишину этих чудных ночей. Вы должны помнить их, никто из вас тогда не хотел ложиться спать. Если вы запомнили эти мелодии, положите их на музыку, вы очаруете тех, кто не может слушать их в вашей стране. Пушкин, ваш поэт прежних лет, говорил, что хотел бы,

чтобы его песни любили даже в самой скромной хижине и всюду, где только будет звучать русская речь. Благородное стремление! Но ваше может быть еще более великим, потому что язык, на котором говорите вы, более универсален».

Чайковский на всю жизнь сохранил теплые воспоминания о своей наставнице и большом друге. Последние годы ее жизни прошли в старинном французском городе Монбельяре. В ответ на просьбы Чайковского, узнавшего о ее бедственном положении, принять постоянное денежное пособие, она с присущим ей чувством независимости и собственного достоинства сказала: «Мне ничего не нужно более того, что я имею».

Музыкальная одаренность проявляется, как правило, уже в раннем детстве (вспомним биографии Моцарта, Шопена, Прокофьева), и Чайковский не был в этом отношении исключением. В четырехлетнем возрасте открылись необычайно острый слух и музыкальная память. Александра Андреевна, обладавшая красивым голосом и неплохо игравшая на фортепиано, дала ему первые уроки музыки, после которых ее сын постоянно тянулся к инструменту, обнаружив почти что болезненную музыкальную впечатлительность. Однажды во время домашнего праздника, на котором звучала музыка, он был поначалу оживлен и весел, но быстро утомился и ранее обычного поднялся в детскую, где его застали возбужденным и плачущим. И хотя музыка там не звучала, он воскликнул, рыдая и указывая на голову: «О эта музыка, музыка! Избавьте меня от нее! Она у меня здесь, здесь, она не дает мне покоя!». Вероятно, вслед за Глинкой он мог бы сказать: «Что ж делать? Музыка — душа моя».

Вскоре после этого события в доме Чайковских появилась Мария Марковна Пальчикова, пианистка-самоучка из крепостных. Чайковский надолго запомнил свою первую учительницу музыки. В 1886 году он немедленно откликнулся на просьбу Марии Марковны о материальной помощи и регулярно посылал субсидию вплоть до самой ее смерти.

Впечатления детства обычно надолго западают в душу, пуская в ней глубокие корни. По воспоминаниям самого Чайковского, первым его сильным музыкальным впечатлением были звуки

оркестрины. На ее валиках было записано много разной музыки. Чуткий слух мальчика выбрал самое прекрасное — арию Церлины («Vedrai carino» — «Средство я знаю...») из второго действия оперы Моцарта «Дон Жуан», которую он был готов слушать вновь и вновь, испытывая всякий раз чувство внезапно нахлынувшего счастья. До конца дней Моцарт оставался самым любимым его композитором: «По моему глубокому убеждению *Моцарт* есть высшая, кульминационная точка, до которой *красота* достигала в сфере музыки, — сказано в его дневнике 1886 года. — Никто не заставлял меня плакать, трепетать от восторга, от сознания близости своей к чему-то, что мы называем *идеал*, как он».

ГОДЫ УЧЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

А.С. Пушкин

В августе 1850 года Александра Андреевна привезла сына в Петербург и подала прошение о зачислении его в Училище правоведения. Вскоре по приезде в столицу произошло одно яркое событие в его биографии: вместе с матерью он впервые в жизни побывал в оперном театре и услышал «Жизнь за царя» («Ивана Сусанина») Глинки. Первая русская классическая опера, премьера которой состоялась в 1836 году, вошла в «пантеон» самых любимых его произведений, а Глинка в его представлении навсегда занял место в ряду немногих избранных творцов: «Какое исклю-

СОДЕРЖАНИЕ

Детские годы	8
Годы учения в Петербурге	15
В Москве	30
Годы странствий	102
Последние годы	133

Научно-популярное издание

Серия «Жизнь великих композиторов»

Охалова Ирина Васильевна

ПЁТР ИЛЬИЧ ЧАЙКОВСКИЙ

Редактор *К. Кондахчан*

Худож. редактор *Д. Аникеев*

Корректор *Ю. Котляр*

Верстка *Л. Иванова*

Формат 60x90/16. Объем 12,5 печ. л.

Изд. № 17899 (АО «Издательство «Музыка»)

Изд. № 0068 (ООО «ГАММА-ПРЕСС»)

АО «Издательство «Музыка», 123001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 2/46, стр. 1

Тел.: +7 (499) 254-65-98, +7 (499) 503-77-37

www.musica.ru

ООО «ГАММА-ПРЕСС»

123056, Москва, ул. Красина, д. 27, стр. 2

Тел.: +7 (495) 609-07-93

www.gamma-press.ru